

юлий хоменко

Поэтическая библиотека
Серия основана в 1993 году

ЮЛИЙ ХОМЕНКО

Плеск ускользнувшей форели

Избранное

МОСКВА 2025

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6
Х76

Оформление — Валерий Калныньш
Составитель — Дмитрий Тонконогов

Хоменко Ю. А.

Х76 Плеск ускользнувшей форели : избранное / Юлий Александрович Хоменко. — М. : Время, 2025. — 238 с. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 978-5-9691-

В избранное Юлия Хоменко, выходца из знаменитой поэтической студии Кирилла Ковальджи, вошли стихи из семи сборников (с 1995 по 2024 год). Пожалуй, Хоменко — главный «воздухоплаватель» современной русской поэзии. «Воздушные шары», «Восьмое небо», «Облако на ладони», «Небо в перьях», «Лётное поле» — вот названия нескольких сборников. Читателю может показаться, что его приглашают «витать в облаках», но это ошибочное ожидание. Каждое облако привязано к земле суровой ниткой здравого смысла, что создаёт непредсказуемую, объёмную, цельную, детальную картину поэтического мира автора.

ББК 84(2=411.2)6

ПЛЕСК УСКОЛЬЗНУВШЕЙ ФОРЕЛИ

Лилии, с любовью

© Юлий Хоменко, 2025
© «Время», 2025

1980–1984

* * *

Я живу у себя в голове
Среди замкнутых со стороны вершин деревьев,
Под синими оболочками своих глаз.
Только дырочки звёзд в черепе для вентиляции.

Но в затылочной области,
В старой квартире,
Над моей детской кроваткой —
трещина.

* * *

Девочка бежит.
Рядом собака бежит.
Девочка одета по сезону,
но вот она прыгает,
и чувствуется, что она под одеждой нагая.
Тем более что рядом бежит собака,
у которой, кроме набедренной повязки ошейника,
сплошное обнажённое тело.
Так бегут два этих существа,
а вокруг трава,
а если взять шире —
лес и грунтовая дорога.

СААМИ В МОСКВЕ

Морщины лиц, затянутые в узел...
Они брели, чем старше, тем кургузей,
И бились о метро, о скользкий вход,
Как рыбы, выброшенные на лёд.

Они потом сидели на вокзале,
Они к вокзалу будто привыкали.
Косые плавники саамских глаз
Виднелись в полыньях вокзальных касс.

Когда ж по ним соскучились олени,
Они ушли, как с лежбища тюлени.
Но над Москвою ночью, видел я,
Ещё горела рыба чешуя.

В ПОЕЗДЕ

К. Ковальджи

Он осторожен и хитёр,
Он много дырок проколот,
И след припухших альвеол
Оставил чёрный контролёр.

Теперь пойдя его узнай.
А из стакана вытек чай,
И что-то вытекло уже,
Оставив белое в душе.

А я на полке на боку,
А я подвешен к потолку.
Свистит в вагоне ветер
Сквозь дырочки в билете.

СКАЗКА

Как пошёл я во деревню
И увидел петуха
Петух тут же бросился на меня
А взялся его победить
Тут перед всем народом в грязь лицом и упал

Повели меня в избу
Умыли
На лавку сажают приговаривают:
Ой ты вольный ты наёмный ты купец
Сидеть тебе не пересидеть

Тут из-под забора вылезает вдова
Вылезает вдова
На грудях кружева
Садится со мною за стол
И мы начинаем есть щи

По усам течёт
По бороде течёт
Под рубашку течёт
В штаны течёт
Чувствую — дело нечисто
Хватаю шапку и вон из дома

А вдова смотрит на меня
И голосом молвит человечим:
Ой ты гой еси добрый молодец
На кого ты меня сиротинушку покинул

Вижу — делать нечего
Вернулся я ко вдове
Шапку бросил на стол

С тех пор на Руси говорят
Что я живу со вдовой

* * *

Странный утра поворот
Поджидал меня у входа.
Он сказал: Четыре года
Будет больно, и пройдёт.

Он сказал: Наступит срок,
Ты пройдёшь, как летним садом,
По некрашеным фасадам
И не будешь одинок.

Я спросил его: Ты где?
И откуда — летним садом?
Он ответил: По воде,
По оврадам, по оврадам.

* * *

Когда бабушка шила платье
Она собирала травы
И шла в платье на реку
Вся в цветастом разнотравии

Всегда стирала бельё
Мои белые парходики
Знала толк в душистом мыле
Варила его посередине двора

Бабушка была большая как дерево
И осыпалась на старости лет
От этого в саду становилось
Ещё больше укромных мест

* * *

Ещё будет весна!
Ещё Гаршин прихлынет к вискам.
На Бауманской трамваи
Направлены в небеса.

Пусть на рельсах каша,
Снег виснет на проводах —
Весна всегда состоится
У входа в храм в два часа!

На Бауманской трамваи
Отправлены в никуда:
Направятся и возвратятся
Оттаивать под часами.

Пусть на рельсах каша —
Храм висит в небеса!
Весна всегда состоится,
Над входом в храм нависая!

ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО

И со всей самоотрезвляющей ясностью понял:
я сошёл с ума.

И не в том бытовом только смысле,
когда все вокруг ходят,
а ты один такой сумасшедший,
а в том истинном смысле слова,
когда сам себя обошёл и себя не заметил.

Взять, к примеру, трамвай.

Впрочем, трамвай не годится: он едущий в парк, и
оставьте, пожалуйста, и не ваше дело, и сначала
сели, а теперь передаёте билет,
вы сначала возьмите билет,
а потом садитесь.

Тут я уступаю место подоспевшей старушке и бодро
смотрю в окно.

В окне птицы. Летают. И роца. И в небе полоска над ней.
Ну разве не сумасшествие?
Я уже не беру во внимание всё то количество кранов,
которое истерзало мне душу
щемящей железной тоской.

ПЕТРУШКА

Я маленький, смешной —
Дубасьте же меня
И бейте головой
Об угол бытия.

Я буду лишь звучней
Смеяться над толпой
И русского плясать
С оторванной ногой.

МУЗЫКА

А. И. Быченкову

Над краем оркестра крыло уронила
И в бездну взглянула сквозь тернии скрипок.
Там ветры фаготов изогнутых, с хрипом.
Там ветры гобоев, забившихся в щели.
Там страус тромбона, там траур металла,
Боль флейт над расклёванным телом кларнета,
И, видимо, ты забывала про это,
Когда над литаврами ты пролетала.

В белом по́ лесу пошли,
Польку-бабочку плясали,
Белый берег обрели,
Поднялись,
Поцеловались.

Шли весь день в густой воде,
Задержались,
Отразились.
Утки в озере водились.
Листья плавали везде.

Откуда столько боли о тебе?
Всё поле белой боли о тебе.
Вчера кололи стебли, а теперь
Всё поле — это белая метель.

ЭТЮД

Н. Искренко

Лежат на поле яблоки,
Забытые, ненужные,
Лежат почти что книжные,
Фанерные,
Безжизненны.

Возьму в тарелку яблоки,
Раскрашу скатерть пятнами,
Одно, должно быть, съем.

Пройдут дожди обильные,
Настанет день, но яблока
Пустого
Не излить.

1984–1987

* * *

Вы знаете, что слон живёт в углу?
Вы только приглядитесь, я не лгу.
Он белыми и чёрными ногами
Во сне переступает на полу.

Вы знаете, что конь стоит в шкафу,
И говорит: «Неправда, фру-фру-фру,
Что кони спать предпочитают стоя,
Я предпочёл бы мягкую софу».

Вы знаете... Не знаете? Ну вот!
И значит, я один который год
Ночами должен слушать тишину:
Как дышится коню или слону?

Я узнал, что люди умирают.
Сказано: замри, — и замирают.
Бабушка упала в коридоре,
С антресолей вывалилось горе.

Утром во дворе скамеек стая,
Пудель, что ей вслед недавно лаял,
Дедушка, что умер уж давно,
Тоже подошёл — немудрено.

Мы зелёным летним Подмосковьем
Бабушку везли к другим покойным.
Мы потом огню её предали,
Как на даче хворост поджигали.

Я узнал, что люди умирают.
Сказано: замри, — и замирают.
У отца пятно на пиджаке
Вздрагивает, едем налегке.

В старых домах поселяются сказки —
Там, где окно без стекла и замазки,
Там, где полы без паркетов, ковров,
Двери — не двери и крыша — не кров.

В старых домах поселяются боги,
Парят простуженно старые ноги
В старых железных и ржавых тазах,
Где нас купали в тридцатых годах.

В старых домах поселяются птицы,
Псы без породы и нищие принцы.
Нам не забыть их заброшенной тьмы —
В их паутине запутались мы.

Тяжело бродить в Клину
У сырой тоски в плену.
Эти низенькие стены
Жизнь глядели не одну.

Вышибая клином клин,
Здесь Чайковский жил один,
И скользил по этим стенам
Бородатый господин.

И от этих стен несвежих,
От сваявшихся домов
Отрывался он всё реже,
Был как будто нездоров:

То ли давней ношей сгорблен,
То ли горло простудил,
То ли он всё больше скорби
В этой жизни находил.

А теперь он налегке
С тростью движется в руке
По другому городу —
Ветер треплет бороду.

У бабушки в комнате ходят часы,
А радио вечно молчит,
Как будто квартиру кладут на весы,
От всех проводов отключив.

За окнами сохнет коллекция крыш,
Им крылья присыпал снежок.
Откроешь балконную дверь и следишь,
Как снег совершает прыжок.

Над крышами небо, над небом страна,
Где водится счастье моё.
Там бабушка дома, и скоро весна,
И радио громко поёт.

* * *

В детстве казалось: ответы найдутся,
Стоит назавтра взрослым проснуться.
Взрослым и взрослым встаю поутру —
Те же вопросы скрипят на ветру.

1988–1990

* * *

Каждая крыша пытается небо поймать.
Трубами, разными архитектуры виньетками.
Даже антенна, что тоже нетрудно понять,
Плюш этот синий цепляет колючими ветками.

Не говоря о деревьях, что будут весной
Всё одеяло небес на себя перетягивать,
И в заскорузлом дворе, и в чащобе лесной
Трогать шершавую глущь, и от этого вздрагивать.

* * *

в райском саду
только райские песни звучат по райскому радио
райские дворники крыльями машут а мётлы пропеллеры
всё это вижу сквозь щели забора небесного цвета
и тоже встаю в эту очередь в кассу на вход и все аттракционы

знаю нелёгкая ждёт на ветру центрифуга
сдует и кожу и мясо
и косточки сложит по горсткам согласно их роли

душу потом поведут на большие качели
дух мой захватит
и в результате целого ряда реакций
и фильтрации в мути кривых и лазури зеркал прямострунных
станет он лучиком света
что точит фанеру на даче в предбаннике малом

милая плачет уходишь пора отвечаю
друг недоволен ты мог ещё многое сделать
что ж говорю
извините что был так как был и что не был как не был

и шурясь фотографу
в кассовое светящееся окошко
протягиваю бесплатную руку

ПРОВИНЦИЯ

Д. Климову

Из деревянного окна
Торчит хозяйки половина,
Спина её старшого сына,
В отцветших розочках стена.

И если ты шагнёшь во двор,
Пружиной сорванного лая
В тебя плеснёт собака злая,
Здесь скрученная с давних пор.

Понять: в чём дело? кто такой? —
Покинет комнату мужчина,
За ним хозяйки половина,
И вот висит квадрат пустой.

Лишь светится стена как фон
Событий, происшедших с теми,
Кто был живой в другое время,
Но в рамках этих же окон.

1990–1995

* * *

От Чехова осталось
Известное пенсне.
Оно живёт в музее,
А Чехов — в вечном сне.

Но будто бы меж ними
В стене проходит нить —
И ни чихнуть от пыли,
Ни слово проронить.

* * *

Маме

Если к Волге спуститься, колёс не щадя, ни педалей,
То стоит монастырь, а в воде его карточный брат.
Целый фотоальбом мне на память предложенных далей
Без эффектов вставных, лишь коровы немного пестрят.

Если в воду зайти, как соборы заходят, по пояс,
Если на спину лечь хорошо обозримым крестом,
Может, Бог пронесёт: будет подан назначенный поезд
И отправлен ни с чем, погоняемый дыма хлыстом.

* * *

Здесь бабушка когда-то
Забыла свою тень.
С тех пор она на лавке
Нетронута лежит.

А новенькие дети,
Скафандрами скрипя,
В песке перебирают
Руины наших дней.

* * *

в детском саду
орудия пыток
скрипят на виду
да снега избыток

в детском саду
где крутится белка
да вьётся по льду
побелка

в детском саду
пюре как приманка
да снежная манка

в детском саду
годы без счёта
маму с работы
жду

А Вена — город небольшой, но разный.
Об этом смею сообщить вам почтой,
А то у вас опять зима в разгаре,
Разъезды замело, столбы повисли.

У нас же, как всегда, к услугам лето.
В садах цветы и пахнут, как живые,
И с неба не вода течёт — музыка.
А если где и дождик заведётся,
То из стекла богемского. Вчера,
Идя на почту, дерево сухое
Через забор протягивает руки
И на своём лопочет... Обозналось.

Я не один: со мной моя семья,
Поэты оккупировали полку,
Где пыль всегда нетронута, свежа.
С комедиями видеокассеты:
Лишь захотел — «Брильянтова рука»,
А надоело — на ж тебе мультфильмы,
И волк бежит и падает, наказан,
И зайца куцехвостый херувим...
И так-то нахохочешься — хоть плачь!
Но слава тебе, Господи, что тело
Под вечер по инерции плывёт
Сначала в душ, потом в постель, зевая,
И если что не досказал, то сплю.

Из книги «Три берега»

1995–1999

От станции метро Бауманская
Мимо Елоховского собора
В сторону городской Библиотеки имени Пушкина
Среди прочих прохожих
Незаметно прошла и ты
Моя юность

* * *

Сквозь кружево веток виднеется дол,
А дальше — гора за горою.
И мир этот вешний, куда я пришёл,
Мне нравится очень, не скрою.

Хотя говорят, что придётся уйти,
Собрав никудышные шмотки,
И долгое время болтаться в пути
В глубокой безвёсельной лодке.

Потом, приподнявшись, увидеть врата
Высокого Божьего сада.
И что здесь сквозь ветки видна красота,
Не вспомнится там. И не надо.

* * *

Земля едина: Пушкин жил
В России, в это время Гретхен
Спускалась с Альп с букетом эдельвейсов,
И аромат её цветастых юбок
Поэту голову вскружил.

Напротив, в Болдине, согласно наблюдениям,
Случалось так: не то полощут бабы
В реке бельё, не то в прорехе груди,
А Гёте уж и так в гранитном кресле
Изъёрзался и этак. О, майн Готт!
И рад бы встать, да вот беда — лет двести
Как не встаёт. А чин имел немалый,
И Фауста, питая возбужденье,
К интиму с Маргаритой вынуждал.

Опять зазеленело,
Заголубело вновь,
И в сердце то и дело
Включается любовь.

К зверям, друзьям и детям,
Да мало ли к кому!
Возьмём любовь, посветим
Фонариком во тьму.

В райском саду
На скамейке присесть у фонтана прислушаться бьётся
Всё-таки сердце от быстрой по саду ходьбы
Стало быть плоть
Не совсем уж с душой расстаётся
Но как жена декабриста повсюду с тобой остаётся
Поздно понявшим бесплодность декабрьской борьбы

* * *

Ходят ходики по стене.
Я на отмели на спине.
Ход событий нетороплив.
Половина пути. Отлив...

* * *

Но висит посреди всего
Это озеро полубреда
Где когда-то без ничего
С лебедями плескалась Леда

Лилии К.

Ни дождя, ни солнца —
День себе как день.
Так хотя бы фартук
Праздничный надень
И нажарь картошки
В пику суете
На неопалимой
Газовой плите.

Из книги «ВОЗДУШНЫЕ ШАРЫ»

1999–2003

Шуберт писал удивительно просто,
Сей толстячок невысокого роста,
Сей сладкоежка в очковой оправе
Пишет и пишет и толком не правит.

Выглянет в форточку — день или что там?
Катит ли почта к тяжёлым воротам,
Или плеснёт, в вышине проплывая,
Горных форелей хрустальная стая?

Пишет и пишет и толком не знает,
Что, не спеша расширяясь, сквозная
Рана его облегчает доставку
Звёздных материй в суконную лавку.

Листва осыпается с грабов и буков —
Таков европейский набор
Листвы, а из целой коллекции звуков
Лишь гвоздь забивают в забор.

Оно и понятно — ведь осень безмолвна,
Какие уж тут соловьи.
Лишь грач по традиции чистит любовно
Концертные перья свои.

Облик жасмина
Белый, как боль.
Детство на даче
Вспомнилось, что ль?

Белое платье,
Бабочкой бант —
Я и поныне
Первый дискант.

* * *

Жизнь прожить —
Полутёмным пройти коридором
От прихожей до кухни где вечно не выключен свет
Подышать
На окно за которым
Панорама двора поистлела за давностью лет

Завернуться
Поглубже зарыться
В тень халата в углу что от деда досталась родне
И уплыть
Погоня худое корытце
В русло улицы той что всю жизнь вдоль решётки двора
протекала в окне

* * *

Вот и осень голубая.
По оврагам, по долинам,
Параллельно вышибая
Клин какой-то журавлиным
Лёгким клином, гонит листья.
Или это поступь лисья?
Шелестит, цыплят считая,
Осень рыже-золотая.

КОНЕЦ СЕЗОНА

Под солнца лучами дымятся коровы и крыши,
Трава ж пожелтела, закону земному покорна.
От птиц улетевших на севере сделалось тише.
Созревшие пали плоды, похоронены зёрна.

*

Почти что у каждого дома виднеются куры.
В холодных подвалах вино заколочено в бочках.
Деревья в лесу полуголые прячут фигуры,
Но много ль расскажешь в случайно набросанных строчках?

*

Дороги спешат разбежаться налево, направо,
Куда-то вперёд, лишь назад их никто не пускает.
И сыро кругом, и от листьев, кружащихся ржаво, —
Ужель прорвало? Нет, но где-то река протекает.

*

Холодной водой уносимый всерьёз и надолго,
Осенний робеет пейзаж, и от этого тряска.
Земля, отдыхая, дымится, сознанием долга
Исполненного наполняясь, и чавкает вязко.

Виктору Кучеренко

Всё чаще памяти кого-нибудь стихи
Я сочиняю на досуге.
Куда летите вы, медлительно-легки,
Мои друзья или подруги?

Воздушные шары влекомых ветром душ,
В прозрачные цветные оболочки
Одетые, вот исчезают уж,
Сперва проставив в небе точки.

Мы ж, упустившие воздушные шары,
Похаживаем в парке до поры.

* * *

Зима. Имперские сугробы.
Трещит мороз крещенской пробы,
А он с улыбкой на лице
В одной рубашке на крыльце.

Так описал приезд свой Пушкин
К опальному поэту в чашу.
А ветер завывает пуще,
А снег валит черней и чаще,

И удаляется, бледнея,
Картина зимнего свиданья.
Планета крутится, под нею
Скрипит пружина мирозданья.

* * *

Дома без труб — что ж это за дома?
Тем более что видно по картине:
Во льду река и на деревьях иней —
Суровая, зная, выдалась зима.

Художник! Ты забыл приделать трубы.
Заиндевели жители и скот.
А хорошо задумывал: ведь вот —

Кругом чернеют пристальные срубы,
Смеркается, и ранняя звезда
Дрожит, угадывая холода.

Тоскливо лицо машиниста,
Хоть поезд так весело мчит,
Поля задевая, овраги,
Кусты придорожных раки.

Так что же оно так тоскливо —
Лицо машиниста? Оно
По ходу движенья налево
В открытое смотрит окно

И видит поля и овраги,
Кусты придорожных раки,
Но как-то не радуется сердце
Всё это и что-то томит.

Быть может, ему изменила
Невеста? Быть может, она
С другим машинистом умчалась,
Обетам любви неверна?

Обеты любви ненадёжны.
Предметы любви неверны.
Тоскливы гудки тепловоза —
Внебрачные крики весны.

Сегодня осень. Не сравнить
Её дела с делами лета:
Какого-то другого цвета
Листья и птичьё где ж «фюить»?

Вхожу свободно, без руля
В прозрачный воздух. — Рожи голы, —
Сказал поэт, невольник школы
Твоей, шарманщица-земля.

*

Хорошо, когда сжаты поля,
Наблюдать пустоту и унылость.
Скрип колодезного журавля
(Знать, и этому небо приснилось)

Не муляж, не приманка, а быть.
(Пиротехник, добавь-ка туману!)
Деревенское слово «бобыль»
Ноябрю как нельзя по карману.

*

Снег падает на землю, прямо в грязь,
Но он её когда-нибудь покроет,
И ангел рай подарочный устроит
И по лыжне покатится, резвясь.

Папе

Называлось Потапово то,
Что его согревало когда-то.
Косолапое слово. К пальто
Уж цепляется снежная вата.

Неуютно в Москве в ноябре,
Но Потапово — остров уюта,
И казалось — тепло на дворе,
Слово в валенки будто обуто.

Потому, что ни шаг — тишина.
(Сапоги бы скрипели, стучали.)
Смерть ничуть подошла не страшна,
Ни любви не чужда, ни печали.

Мне Лермонтов махнёт издалека,
А Пушкин подойдёт полюбоваться,
Каким я нынче стал, хоть, может статься,
Мне просто тридцать семь и жизнь легка.

*

Нести тяжёлый чемодан
И выронить, чтоб разлетелись
Трусы, носки, тупая бритва,
Сорочка, жёлтая листва...

Думал: что такое Гейне? —
Просто стих в своём соку.
Но прочёл — и тянет в Рейне
Утопить свою тоску.

Думал: что такое Шуберт? —
Четверть с точкой, опус три.
Спел — и что-то там под шубой
Бултыхается внутри.

Думал: Пушкин — что такое? —
Буря мглою небо кро-
ет, и нет душе покоя
Ни в трамвае, ни в метро.

Настало время старую Москву
Опять отобразить стихом нетленным,
Одеть деревья в новую листву
Апрельским неким утром довоенным,

Жильцами до отказа населить,
До чердака, до красных труб на крыше
Дощатый дом, огнём, упавшим свыше,
Туда перенесённый, где «фюить-

Фюить» — поют лишь ангельские птицы,
Откуда лупит солнца граммофон
Музыкой сфер, не нарушая сон
Сей заводи, в которой золотится.

Автобус до Марса.
Очевидно, какой-то кинотеатр.
Но всё-таки по дороге
Чаще обыкновенного поглядываю на небо,
Не мелькнёт ли на синем фоне красный воздушный шар.

Мы жили в блочных башнях,
В кирпичных корпусах,
В тех сумерках вчерашних,
В тех зимних небесах.

Потом ушли в прорывы
Сияющих небес,
И что ещё мы живы —
Не чудо ль из чудес?

Зачем мы живём, узнавая
Всё то, что не радует нас?
Как жалобен, скажем, трамвая
Крик в ранний нехоженный час.

Как птице, положим, неловко
Орудовать грузным крылом:
И выучка есть, и сноровка,
Да воздух — сплошной бурелом.

По горам, по впадинам земли
Вольно ли пылить велосипеду
Пегому? В заоблачной пыли
Я вернусь когда-нибудь к обеду.

Я вернусь, хоть велосипедист —
Полусумасшедшее призванье.
Был бы жив, сказал бы Ференц Лист
Так своей поэмой без названья.

Ференц Лист, не ведавший досель,
Как соседние рифмуют строчки,
Всё «метель» — твердит — «метрдотель»,
И скорбит душа по оболочке.

Туча налегла на городок,
Налегла и даже раздавила
Два-три дома. Жалобен гудок
Поезда, судьба его уныла.

Чьи предначертанья претворяя,
Скользкими колёсами гремя,
Лезет вон из кожи, покоряя
Лестницу, лежащую плашмя?

Здесь старые ходили поезда,
Натоплено в них было до предела.
Года мину́ли, ми́нули года,
Всё изменилось — вот какое дело.

Меняться в жизни может и не то,
Верней, ничто не может не меняться:
Ходил в плаще, теперь надел пальто,
Потом листво́й оденусь, может статься.

Шуберт очень любил Чайковского
Хоть тот жил много позже
Недолюбливал Глинку
Хоть его никогда не слышал
Изо всех виолончелистов
Предпочитал Ростроповича
Из солистов Большого театра
Дитриха Фишера-Дискау
Слушая меня снисходительно улыбался
Смотрел впрочем мимо
Куда-то в начало двадцать второго столетия
Где плеск ускользнувшей форели
Едва различим

Дмитрию Костову

Грузный Брамс угрюмо дремлет
Камня серого горой.
Лишь порой чело подьемлет,
Улыбнётся лишь порой.

Муза мощными грудями
Улеглась на пьедестал.
Пруд белеет лебедями.
Поднатужился, привстал

Старый Брамс, учитель танцев
Милой Австрии... Она
Всё ж для нас, для иностранцев,
Подходящая страна.

А весна-то и вправду огромна
И сильна половодьем небес,
Ледоходна она, вероломна
И прекрасна в бикини и без.

«Облака» —
Научился выговаривать сын
К тому времени как я
Разучился их замечать

* * *

Тучки — странники вечные странные,
То верблюды они, то киты,
Очертанья теряя туманные,
Не теряют своей высоты.

Я устрою охоту небесную,
Подстрелю надувного слона,
Заслонившего вход в эту звездную
Безвозмездную бездну без дна.

Было б дно, можно было б надеяться
На внезапный отскок и повтор.
Выходила ж, резвясь, красна девица
Сквозь коровье ушко на простор.

* * *

Лилии К.

Девочка на шаре
Это хорошо
Маленькие ножки
Ну ещё ещё
Бейте не робейте
Продырявить шар
У него упругая
Круглая душа

Снег на широкой платформе,
Снег на железном пути.
Пульс и давление в норме —
Можно по шпалам идти.

Птица не клюнет, не тронет
Зверь, созидатель следа.
Поезд, и тот не догонит —
Кончились все поезда.

Хотел было ставить точку
Но подумал подумал
И исправил на запятую
Ведь если Вселенная бесконечна
То за этим зелёным забором
Обязательно будет какой-нибудь новый забор

Купаться здесь запрещено,
Да и безумие оно —
Зимой холодною купаться,
Руками рассекая лёд,
Как это делал самолёт,
Спеша сквозь облачность прорваться.

Из книги «ВОСЬМОЕ НЕБО»

2004–2010

Коровы умеют летать —
Читайте у Марка Шагала,
Чья выучка глаз показала —
Коровы умеют летать.

Конечно, они не орлы,
Не ангелы в лёгком паренье —
Ни пения, ни оперенья,
Но всё-таки очень милы.

Как некий небесный отряд,
То выше летят, то пониже.
И если такое в Париже
Творится, в Твери говорят:

Смотри — над Парижем парит
Бурёнка колхозного толка,
Небес голубеет ермолка,
А сдвинешь — созвездий иврит.

ЧЕРЕПАХА

Депортированная из пустыни в городскую квартиру
В знак протеста отказывается от пищи
Постепенно теряет в весе
Становится легче воздуха
Поднимается в небо качая растопыренными конечностями
В качестве НЛО регистрируется спецслужбами
Проходит в секретных списках под кодовым названием
Черепаша

* * *

Небо восьмое. На небе девятом
Облако ходит в халате помятом.
А на десятом в дырявой сорочке
Бродит луна по ночной одиночке.

С розовым облаком небо большое,
Что ты стоишь у меня над душою?
Сам понимаю: однажды душа,
Розовым облаком нежно шурша
По твоему голубому газону,
То уподобясь слону, то бизону,
То носорогу, то снова слону,
Станет, слоняясь, топтать тишину.

Провинциальный запах дыма —
Вполне возможен банный день.
А вот и впрямь проходят мимо,
Тазов бряцает дребедень.

Не наши ль матери и деды
Щиты и шайки сквозь года
Несут? Куда ж ломились шведы?
Скажи-ка, дядя, ну куда?

По старицкой старой дороге
Немало прошло чередом
КамАЗов, которые строги
На вид и ворчливы нутром.

И «газиков» лёгкое племя
Здесь газы пускает в эфир,
Автобусы прут, а над всеми —
Луч света со станции «Мир».

Анненского доставали
Директорские заботы.
Час-полтора едва ли
Для главной своей работы
Урвёт и слушает зовы
Зияющей тишины.
Брови его суровы.
Дни его сочтены.

Спускаясь по лестнице, Блок
Носки своих видит ботинок.
А в комнате — пол, потолок,
Простенков и стен поединок

И окон кивок на канал:
Зимуют промёрзлые баржи.
Зимой не допросишься спаржи.
Нет спичек. Двенадцать. Финал.

Год за годом
Удаляюсь от трещины на обоях
Которую любил рассматривать в тихий час засыпая

Но знаю что однажды проснусь
И вот она трещина
Но с изнанки

* * *

Я поеду в Венский порт,
Где дрейфуют борт о борт
Баржи всякие и барки.
Полинялые, неярки,
Плещут флаги, как бельё.
Как прекрасны, ё-моё,
Разных стран трусы и майки!
Жаль, с утра летают чайки
И кричат без перерыва
До заката. До надрыва.

* * *

Осенний день. Он чем отмечен?
А тем, что света и тепла
Как можно меньше. Осень! Нечем
Отметить факт, что ты пришла.

Конечно, можно бы из лужи
Колючей, в оспинах, воды
Набраться дóтемна, до стужи,
До вверх тормашками звезды,

Подвешенной на удаленье
В сто сорок вальдшнепов, пока
В ветвях аллея рога олени
Покачиваются слегка.

* * *

Попытки оптимального соединения крыши и неба
Способствуют развитию архитектурной мысли

В сущности все эти статуи и шпили —
Хитрые приспособления

цель которых

захват конкретных участков неба

С их последующим закреплением за каждой отдельной
крышей

Но небо всегда ускользает без единой потёртости или пореза

Кое-что удаётся антеннам
Вытягивают-таки из эфира

наэлектризованную проволоку радио- и телепередач

Ничего после себя однако не оставляющую
Даже пустот

Несколько удачливее трубы

Идущий из трубы дым сливается с облаком которое уже небо
Но и эта связь умозрительна

расплывчата

и безответна

* * *

Не Бетховен, но космы включены,
Губы выпячены к трубе.
Все, кто к музыке приторочены,
Малость всё-таки не в себе.

Мешковатые брюки коротки,
Перекошены пиджаки.
Как сутулые старцы — отроки,
Точно отроки — старики

Неуёмные: ноты тоннами
Нагрузи на них — понесут.
То мечами трясут картонными,
То ничем уже не трясут,

А, к примеру, гранитны, бронзовы,
Бледно-жёлтые, коль луна,
На закате багрово-розовы,
Стынут позами. Тишина.

* * *

За ночь до полнолуния
Чуть выпуклая луна
Напоминает гипсовую посмертную маску Бетховена —
Экспонат музея-квартиры композитора
в одном из предместий Вены.

Интересно,
Не сам ли Бетховен накликал это сходство,
Нащупывая сквозь обступившую глухоту
Нужные клавиши для «Лунной» сонаты?

Впрочем, название это композитору не принадлежит.
Оно и понятно:
Не мог же он видеть собственную посмертную маску,
Отбрасывающую лунный свет
на разложенные по стендам автографы
И личные вещи.

ПРЕДМЕСТЬЯМИ ВЕНЫ

В Штаммерсдорфе встаёт заря.
В Штреберсдорфе она садится.
Укороченный, декабря
День показываться стыдится.

Но замечено сквозь кусты
Инценсдорфского лесопарка:
Невостребованно чисты
Близлежащих полей листы,
Грач — единственная помарка.

— Далеко ли до Хайлигенштадта?
— Далеко — не дойти до заката.
Но зато, только грянет закат —
На его симфоническом фоне,
Невесомые, как на ладони,
Башни, башенки — Хайлигенштадт.

— Хорошо ли тому, кто в заката
Час и вправду до Хайлигенштадта
Доберётся — он грустен иль рад?
— Он не то чтобы грустен, но всё же
Чувство, с грустью которое схоже,
Виноградом свисает с оград.

— Оттого ли и грусть, что Бетховен,
Взглядом сумрачен, нравом неровен,
Век не чёсан, убого одет,
Шёл кварталами Хайлигенштадта,
А за ним, вся в миноре, соната?
— Нет: в миноре, но струнный квартет.

Разминувшись с Шубертом во времени
Приближаюсь к нему в пространстве:
Перебрался в Вену
Брожу переулками вокруг дома
Где жил и работал композитор
Пью кофе в его любимом кафе
Вглядываюсь
В сидящего за соседним столиком
Средних лет кучерявого
В круглых очках толстячка

Небо над Веной, как правило, серое.
Вена сильна католической верою.
Ходишь, любуясь, и думаешь: что ль она
Серой монашеской рясой зашторена?

Всё же бывает, что улицы венские
Солнце ласкает, как прелести женские, —
Если сперва от подола до ворота
Ветром-охальником ряса распорота.

Подмигиванье светофора
В молочной утра тишине.
Беззвучное вибрато хора
Ширококрылых, в вышине
Зависших ангелов. Им свыше
Прекрасно видно: что почём.
Что проку, что как можно тише
Ступаю, точно ни при чём?

Напоминают Ленинград...
Ну Петербург — не в этом дело —
Имперской выправкой оград
Сады и парки. Здесь сидела
Старуха-кайзерша, играл
Ребёнком кайзер Франц-Иосиф —
В снегу барахтался, орал,
Монарший пальчик заморозив...

Не могу защитить тебя от процесса старения
Но чтобы ты не чувствовала себя одинокой
Старею с тобой вместе
И даже
Забежав на полтора года вперёд
Успеваю обустроиться в новом возрасте
До твоего прихода

Мне хотелось как можно скорее уйти.
Вижу — липа стоит у меня на пути.
Широка многоликая липа,
Вся из клёкота, клика и всхлипа.

С той поры у корней, примостившись, живу.
И пускай на меня наметает листву,
А случится — завалит и снегом
Все пути на Москву печенегам.

О трёхкомнатной старой квартире,
О балконе её, о сортире,
О серванте, точнее — буфете,
Да ещё о скрипучем паркете.

А как выйдешь во двор — об асфальте
В ломких мартовских лужах, о Мальте
И других островах и заливах
В этих мартовских лужах пугливых.

* * *

Грачи прилетели,
А Саврасова нет.
Не улетать же обратно.
Остались.
Вьют гнёзда.

* * *

Одноногий аккордеонист
Вытанцовывает по клавишам аргентинское танго.
Жизнь прекрасна.

Утром холодно весенним,
Только это ничего —
Воскресеньем, воскресеньем
Так и веет от него.

Не щадя помёта, галки
Обновляют купола.
Посреди весенней свалки
На халяву, по нахалке
Тварь любая весела.

У гнезда шныряет пташка,
Мышка роется в норе,
И бежит, бежит букашка
По берёзовой коре.

У берёзы ствол и позы
Всех пленительней, кора
Оголённей у берёзы,
У неё на ветках розы —
Замуж, стало быть, пора.

Есть новые рамы и старые рамы
Надменны одни а другие упрямы

Как будто и впрямь за судьбу не в ответе
За ними живущих ни те и ни эти

А только одна изначальная рама
Что так до конца и не вымыла мама

Хоть помнится мыла до блеска до лоска
Досадная в небе осталась полоска

Не то реактивного след самолёта
Не то совершенно нездешнее что-то

Висит и не тает и сделалось зябко
И на пол упала усталая тряпка

* * *

Алексею Алёхину

Каблуки по мостовой
Отбивают ритм старинный.
Что лебяжий, над Москвой
Пух летает тополиный.

Где троллейбус номер пять
От Садов бежит к Бульварам,
Появлюсь в свой срок опять —
Но уже воздушным шаром.

* * *

Над бассейном «Москва» так легко по утрам
Поднимается пар, что мерещится храм...

Ну а после и впрямь вспенил храм кружева —
Мне мерещится пар над бассейном «Москва».

* * *

Мандаринные дольки,
Серпантин, конфетти.
Ты фонариком с ёлки
За окно посвети.

Эти праздники быстро
Заметает метель.
Жизнь — хлопушечный выстрел
В непроглядную темь.

* * *

Ведут маршруты — этот, тот —
В страну, что по-немецки глухо,
Хоть и торжественно — *der Tod* —
Зовут. Ласкательней для слуха
Касанье бережное *смерть*.
Она мягка — не правда ль? — или
Зря целины небесной твердь
Титов с Гагариным рыхлили?

* * *

Улицей
Сменившей название а отчасти и облик

Двором
С заново расчерченными газонами
перекрашенными скамейками

Лестницей
Забывшей отзыв на пароль
моих и правда давно не раздававшихся здесь шагов

Ключом
В заведомо не подходящую замочную скважину
новой металлической двери

Памятью
В прихожую лет десять как проданной бог знает кому квартиры

Ну вот я и дома

* * *

Куда б, петля между звёзд,
Ночной троллейбус ни завёз,
Сойду, весом, как аксиома,
На Лёвшинском у гастронома.

По утрам за перелеском
Так и лезут в небеса,
Их натягивая с треском,
Блочных башен корпуса.

Но, троллейбусом прострочен,
Не разлезется по шву
Небосвод, что приурочен
К Первомай торжеству.

Никогда не был
И вряд ли уже побываю
В Аргентине
Разве что заново родившись
Какой-нибудь аргентинской мухой
Всю жизнь мечтающей
Побывать в России

* * *

На самом деле дела никому
До этого селенья никакого
Давно уж нет. Ни бе, ни ме, ни му,
Ни на три буквы ласкового слова
Здесь не слышать. Но скрипнет журавель —
Хранитель пересохшего колодца, —
Ему другой, за тридевять земель
Отсюда улетевший, отзовется.

Из книги «Облако на ладони»

2011–2016

* * *

последние пару лет
вижу удалённые от меня объекты расплывчато
пятнами
но не спешу к окулисту за контактными линзами
или очками
предпочитаю смотреть на мир
глазами импрессиониста

оттого ль грунтовка чавкает
оттого ль дворняга гавкает
воздух нюхая хмельной

что с подбитой правой фарою
дребезжа
разя солярою
трактор валит к нам с весной?

каштаны уже отцвели
казалось бы что им каштанам
как в некой счастливой пыли
в цветенье не быть неустанным

но нет отцвели... оттого ль
пошли добровольно на это
что как ты весну ни неволь —
качнулась и канула в лето?

* * *

грач на переднем плане
крупнее грача на заднем

мне городок в тумане
на стол поставленным складнем
видится (стол — долина)

белеет на синем фоне
медлительней цеппелина
облако на ладони

* * *

по́ небу проехал вертолёт
словно трактор по полю. дымится
облако распаханное. птица
носится дурёха взад-вперёд

* * *

кричи запрокинув голову не кричи
не докричишься до ангела ни даже до космонавта

но может быть облако
вобрав крик
откликнется коротким дождём

пусть не сразу
не здесь

* * *

в расселинах бетона очень любят
селиться небольшие колоски
тех злаков от которых человеку
ни толку нет ни проку. где попало
стараются прижиться например
в расселинах бетона. может быть
здесь был когда-то скотник или Дом
культуры где показывали фильмы
про немцев про любовь. пускай наивны
те фильмы были в них была и правда
в том смысле что и впрямь на свете немцы
не часто но встречаются любовь же
пока ещё никто не отменил

* * *

Небу дай только волю,
Дай, чтоб было под ним
Где раскинуться полю, —
Станет неустрашим

Голубым или серым
Отливающий взгляд —
Там, куда пионерам
Заплывать не велят.

* * *

треск кузнечика
плеск волны
лепет женский

не сплошной хотел тишины
Вознесенский

* * *

по району что притих
оттого что скоро вечер
я иду слагая стих

корпусов и чёт и нечет
не особо нарочит

хороши погоды в Вене

что закат кровоточит
ей решительно до фени

* * *

...а облака-то над Веной русские!

* * *

берёза в Австрии
всё-таки иностранка

изредка перемолвится шелестом
с местными липой и дубом

практически не общается
с буком и грабом

* * *

когда-нибудь
это тиканье прекратится
станет тихо-тихо
темно-темно

ложась
всегда оставляю щёлочку
между шторами
ненавижу ставни

дома построены не нами
а теми
чьими именами
мы не располагаем
теми
которые в былое время
стекло прилаживали к раме
толпясь в небесной панораме

птицы
краны
новостройки

грубого шитья и кройки
крупноблочные дома

и зима
зима
зима

* * *

но пройду и не замечу
как достойную зимы
провести наметив встречу
небо штопают дымы

* * *

тебе-то она зачем

такому большому здоровому
уравновешенному и успешному

эта твоя скоропостижная смерть
от инсульта?

валит снег а ветер слабый
лепят бабу пацаны
хорошо дебелой бабой
белой бабой ждать весны

есть печальные слова
например *затон*
различим едва-едва
затаённый стон

в этом слове а вода
не колы́хнет чтоб
не дознаться где когда
кто за что утоп

работа садовника в целом
понятна и в общем проста
она в обращенье умелом
с ранимой персоной куста

особенно в осень ранимы
роняемы то есть листы
урона такого просты
причины но неустранимы

Олегу Тимофееву

показываю Вену
лет двадцать как живущему в Штатах
арбатскому другу детства

любую достопримечательностями
проходим Плотников
Сивцев Вражек

ел на завтрак остатки вчерашней рыбы
запивая вчерашним чаем

бесполезно

кругом торжествующее Сегодня
захватившее власть в полночь
пока я спал

страховка и мобильник
кредит и квартплата
счета счета счета
идёшь уставившись в тротуар

взгляни в небеса
всё оплачено

в этом парке
жил и работал
клён

дождливым днём
на ветреном перекрёстке
на пятьдесят втором году жизни

ожидая звонка допотопного
тяжёлого телефона
слушать журчание
счётчика из прихожей
а радио вечно молчит

в отличие от местных
бесшумных
продуктовых сумок на колёсах
моя
ещё советского производства
грохочет что есть силы
по изнеженным плиткам венского тротуара

мол знай наших
дескать от гутенморгена слышу

поёживаюсь
но внутренне одобряю
а то доассимилировался
от австрийца не отличишь

* * *

работая над миниатюрой «Сквер у аптеки»
осень
проходит этапы творческого созревания:
сперва пробует разнообразные краски
потом постепенно отказывается от многоцветья
оставляет только необходимое —
чёрное на голубом

* * *

серебряный крестик
реактивного самолёта на длинном
слегка разлохмаченном белом шнурке

* * *

направо храм
налево пип-шоу
куда же на этот раз
занесёт поседевшего Буратино?

* * *

душа ступает босиком
чтоб ненароком каблуком
и общей жёсткостью подмётки
шифон небес не рвать в ошмётки

о летящий звеня допотопный трамвай
ты лети и звени а ещё навей
на меня грусть-госку —
недотёпа
я родился ещё до потопа

куда же
с этим потрёпанным рыжим
дерматинном пахнущим чемоданом?

ну конечно на «Красной стреле» в Ленинград!

* * *

Спилили клён — открылся новый вид:
6-й подъезд, рифлёные балконы...
Всё к лучшему. Оставшиеся клёны
К зиме готовит ветер, деловит.

* * *

плеск довольно крупной рыбы
солнце в толще облаков
хорошо бы если мы бы
без удилищ и крючков
но не голыми руками
а руками голых лип
солнце осени могли б
шевелить за облаками

всеми подручными средствами
устраиваю запруды

бесполезно

течёт и течёт

время

* * *

поймал было облако
а покормить нечем
отпустил

плывёт дальше
слегка удивлённо

*

а то вдруг прикинется ангелом
в стиле барокко

но долго не выдерживает
расплывается в слоника
ослика
или овечку

*

тонкое
длинное
не особо счастливое

ничего
пригодится

в хозяйстве заката

*

нет-нет
да и сыграет со мной
в молчанку

* * *

Шуберт умер в ноябре
вот какое дело

кто-то грязью на дворе
чавкал то и дело
и скрипела дверь стократ
(надо б смазать петли)

жаль живёт мой младший брат
далеко
в Сиэтле

* * *

дом где родился Шуберт

дом в котором он умер

словно прошёл взрослея
от одного к другому

стариться не пришлось

* * *

залитый солнцем
венский бульвар Ландштрассе

солнце оставить
а бульвар заменить на Гоголевский

для полного счастья

где те птенцы что вылупились
в середине шестидесятых
на нашем балконе в Малом Лёвшинском переулке?

ну конечно на небесах

ПАДАЛИЦА

1

дорога в Сущёво
живущее за счёт дачников
подпирающих падающие заборы
латающих текущие крыши
протаптывающих заросшие тропы
к реке и колодцу

это летом
а зимой ни души

то есть души-то возможно и есть
души бывших хозяев
в завываниях вьюги

2

журавль колодезный
в отличие от таких нелетающих птиц
как пингвин или страус
не оставляет попыток взлететь
надсаживаясь и курлыча
гремя ведром

3

аист строит гнездо на заброшенной водокачке
даря её существованию
новый смысл взамен погребённого
под развалинами колхоза

4

в Новом Прасковьино
ещё достаточно многолюдно
а соседнее Старое
за исключением двух-трёх дачников
практически опустело

спрашивается
почему в лежащем поодаль Кукове
никого кроме змей?

5

чем гнить и разваливаться годами
не лучше ли как дом Митрофановых
выгореть быстро и начисто
не повредив берёз
стоявших под окнами

6

ночами любимся звёздами
спелыми августовскими
изредка падающими
куда-то в заброшенный яблоневый сад
где днём собираем падалицу

попадают анисовка штрифель и белый налив
альфа и бета Центавра

7

крапива репей борщевик
полусгнившие срубы

но взвизгивает бензопила
трактор привёз горбыль

что-то тут строят
сарай не сарай
ни шатко ни валко
начерно

8

погрузили в газель тюки рюкзаки и сумки
присели на кухне на дорожку

до следующего лета говорим мы дому

ладно
до следующего лета соглашается дом

гарантий понятное дело
никто не даёт

зазеленело деревце
выросшее из семечка
залетевшего на крышу дома-музея Шуберта

итак Франц
на чём мы остановились?

часики точат время
с точностью древоточца

тоже тикая
только тише

ПИАНИСТУ

ловит клавиши
голыми руками

*

разделявал тушу рояля
по локти в сонате

*

то упуская
то настигая
табуном бегущий оркестр

птицы ангелы звёзды

крепим скворешни
настраиваем кресты и антенны
громоздим космодромы
запускаем с балкона бумажные самолёты

свалка
автозаправка
корпуса брошенного завода

электричка
протрачивает город
с изнанки

тепла уже не будет
а будут холода

должно быть это студит
Полярная звезда
леса поля и горы
лежащие окрест

страны моей просторы
не греет Южный Крест

в казематах Крутицкого подворья
томились перестукиваясь
Александр Герцен
Лаврентий Берия
протопоп Аввакум

довольно солнечный денёк
берёза думает довольно
стоять по стойке смирно вольно
качнусь под ветром вон пенёк
и тот волне весенней неги
поддался и пустил побег
не говоря уже про птиц
пятьсот и более границ
превозмогли в свои пенаты
летя гортанны и пернаты

* * *

вверх и в стороны

поднимая натягивают небо

ласточки

* * *

треск стрижей и кузнечиков

запах навоза и дыма

жить не страшно

* * *

серое

в красных кирпичных прожилках

европейское утро

* * *

облака сегодня сероваты
знать из той не самой лучшей ваты:
год семидесятый
сорт второй
праздник Октября не за горой

шум вертолѐта
над заснеженной горной долиной

как если бы на холодной
давно нежилой кухне
заработала кофемолка

по утрам
у второго подъезда тополь
подкарауливает весну

щёлк и остались на фотографии

а время поехало дальше

порожняком

Тора

читается справа налево

вспять

* * *

ну и умрёшь
но ведь родишься заново
таким вот к примеру голубем
клюющим слякоть
хромая на беспалую ногу

* * *

то ли крупная капля дождя
то ли птичьего капля помёта

по касательной сквер проходя
я почувствовал капнуло что-то
мне на шляпу и каплей звезда
ненадёжно дрожит назревая

оттого и звенят провода
в ожидании вечном трамвая

трактора и аисты
ночуют в нашей деревне
а днём и те и другие
трудятся на полях передового холдинга
«Новая заря»

небо в перьях
у ангелов
весенняя линька

* * *

запрокинув в небо голову
не издавая ни звука кричу
Витя-а-а-а-а

так ему лучше слышно

ДРУГУ

то что мы не общаемся
в нашем конкретном случае означает
что кого-то из нас уже нет на свете

и кажется
я догадываюсь кого

а ты?

* * *

товарняки пассажирские электрички
расстёгивают и застёгивают
молнию железной дороги на белой
грязной по случаю оттепели
зимней куртке земли

* * *

солнечно но не очень
ветрено но слегка

лезут в глаза рабочим
лёгкие облака
в общем-то не мешая
строить высокий дом

краны круша большая
чёрная животом
туча не налегла бы
всё остальное хрень

всё прошибут прорабы
касками набекрень

* * *

на территории
моего бывшего детского сада
что-то не так с часами
с годами

*

руководимые воспитательницами
построились парами

искривляясь во времени
идём на прогулку

*

не допил какао
не доел овсянку
всё так и осталось стыть
где-то в шестидесятых

* * *

мне сегодня то же снится
что и сорок лет назад
над панельной башней птицы
струйкой серою летят
и теряются из виду
и проходит много лет
поутру из дома выйду
а над башней серый след

зброшенныя саборы
без памоцы чалавека
моляцца облакам

не тэчэнне часу
а ўтэчка

пясочныя часы
самыя точныя часы ў свеце

безоблачной ночью

открытая в космос

балконная дверь

некогда служивший
поводырём глухому Бетховену
антикварный рояль

ушёл
не выдержав собственных нравочений
из Ясной Поляны
Толстой

роддом
детсад
начальная и средняя школы
различные предприятия и учреждения
дом престарелых
кладбище

всё это есть в городке

и даже
автобусное сообщение
с внешним миром

был на стройке выходной
да уплыл (темнеет рано)

достаёт рукой одной
прямо до Альдебарана
молодой подъёмный кран

был бы стар предался б лени
дескать что Альдебаран?
ноет грудь болят колени

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

П. Климову

первые
черновые очертания дома напротив
в незашторенном звёздном окне

*
музыка звучит
везде и всегда

просто её не слышно
за шумом и тишиной

нужно её выслушивать
точно фонендоскопом

как умел это делать
оглохший Бетховен

*
нашарить тапки и в туалет
сквозь падающие декорации недосмотренного
одноактного сна

*
говорят у Бетховена уши
были просто забиты серой

их бы прочистить
у хорошего отоларинголога

чтобы не было драматизма
его поздних сонат и квартетов

*

за дверью
на лестничной клетке
квалифицированные шорохи вора
заканчивающего ночную смену

*

то дубасил по клавишам
чуть не лопались струны

то едва их касался
не извлекая ни звука

ультрафорте и инфрапиано
глухого Бетховена

*

чего только не приснится
в ночь после выпитого
коньяка с соседом по поводу
совместно отремонтированного
сливного бачка

шаткое
взволнованное граффити
Эвелина останемся друзьями
и рядом спокойное
нет

распределение тепла и света
по подъезду
микрорайону
да и в целом по планете
ещё производится
с расчётом и на меня

* * *

безветрие
но движение есть
его регистрирует
секундная стрелка
подёргиваясь
и смещаясь

* * *

австрийская берёза
прикидывается кумекающей по-русски

обратись к ней с вопросом
и радушная закивает

даром что невтопад

с папой
на троллейбусе
по Кропоткинской
в Кремль

папа умер
троллейбусы отменили
Кропоткинскую переименовали

как же я доберусь теперь
до Кремля

неотёсанные
словно бы из каменоломен
названия израильских городов

Кирият-Гат
Ашдод
Лод

* * *

осень
она и в Австрии тоже осень
в обносках нищенка
в золоте королева

темнеет в пять
выдь на прогулку в восемь
сразу охватит справа тебя и слева
ночь
ведь она и в Австрии
даже пуще
если идёшь идёшь и не видно друга

то ли дело мчит поспешает Пуцин
к Пушкину

мелколесье Сенат да вьюга

* * *

ночью постукивают
ходики
древоточцы
взрывные устройства
сердца

*

в бессонницу
при помощи сердца
пробую перестукиваться с теми
кто уже на свободе

*

засыпаю
наивно уверенный
что проснусь

я любитель задворок
подворотен дворов
но особенно дорог
меж времён и миров
затерявшийся дворик
где живу молодым
лет пятьсот и не горек
мне отечества дым

в каждом зеркале
в каждой витрине
в каждом тонированном
окне автомобиля
разглядываю седовласого
седобородого
в отцы мне годящегося
не меня

* * *

Вена ещё спала
двух-трёх пекарен кроме

утренние дела
нет не мешали дрёме
башен
домов жилых
голых лотков на рынке

клён лишь колых-колых
листьями на Стромынке

*

то ли тополя то ли
это ангела пух
не научат и в школе
как пушинки на слух
различать и ни скрипа
замерев шапито
не проронит лишь липа
всё шептала но что

*

хорошо весной каштану
он колышется в цвету

под каштан цветущий встану
пусть роняет красоту
не на землю а на плечи
мне желающему цвествь

нет иных
а кто далече?
я далече-то и есть

* * *

в магазин шагаю смело
за пакетом молока

ведь кому какое дело
что сегодня облака

откровенно кучевые
чьи тугие кругляши

задевают не впервые
за шершавости души

и медлительно проходят
и с поклонами и без

посмотреть что происходит
за кулисами небес

сентябрь
астры
хризантемы

ученики и ученицы
доказывают теоремы

и мне
нет-нет
да и приснится

я у доски

гипотенуза
дождя косога стёкла класса
пересекает

о арбуза
и хруст
и сахарная масса

покуда голубь во дворе
воркует всё кропя помётом
не вне игры я но в игре

за ходом ход за поворотом
другой какой-то поворот

но хода нет во двор обратно
где от подъезда до ворот
танцуют солнечные пятна

в чей-то двор зайти без спросу
на скамейку в пятнах света
сесть и волю дать вопросу
на который нет ответа

дрозд снуёт челночным ходом
и плетёт узор ограда
кропотливо год за годом

нет ответа и не надо

виртуозную музыку слушаю
и мечтаю о чём-то далёком
где как будто весенними лужами
всё покрыто и бликами окон

или лучше из школы с приятелем
я иду он зовётся Андрюха

и при этом мороз обязательным
снежным скрипом царапает ухо

шуберт

ненаписанная

в исполнении ливня

платформа Заслуженный Отдых

далее нигде

отыскался ящик
с моими игрушками

эту машину катал
из этих кубиков строил

этого мишку любил
люблю
и буду любить

вечно

долгий
далёкий
гудок тепловоза

словно бы поезд
блукает в поисках станции
может и межпланетной

* * *

на невероятной высоте
ангел пролетал на дельтоплане
чужд производимой суете
на Земле
и на Альдебаране

а ему навстречу херувим
на больших размеров цеппелине
для радаров плыл неуловим
невредим
издревле и доныне

а по вертикали
напрямик
те презрев конфессии и эти
молодой способный крановщик
в небо поднимался на рассвете

* * *

отчётный период это когда цыплят
считать бы надо да где их найдёшь пищащих

считать бы листья да быстро устанет взгляд
ведь сколько пало их в рощах садах и чащах

ветра устанут от голых полей болот
устанут ели тряпьем щеголять зелёным

ушёл разумен и не оглянулся Лот
а жена оглянулась и стала столбом солёным

* * *

в небе наследили самолёты
влево вправо еле разошлись

на земле не легче

где ты
кто ты
вниз в долину
или в гору ввысь
держишь путь
не худо б разобраться

а не то недолго до беды

день-деньской
сестрице кликать братца
озирать заглохшие пруды

* * *

голубиным помётом
исцеляется стать
статуй

стать самолётом
или ангелом стать
чтоб на Млечном с кометой
разминуться Пути

или всё-таки в этой
жизни счастье найти

* * *

возможен отдых на воде
и вне воды процесс несложен
отдохновения
езде
ведь отдых в сущности возможен

к примеру завтрак на траве
иль дрема в парке на скамейке
пока мелькают в голове
краткометражные ремейки

иль с милым в райском шалаше
или с Зиновьевым в Разливе
иль там
где и моей душе
обещан отдых в перспективе

* * *

помедлила
и всё-таки расцветает
красавица сакура
нездешняя вишня
с узким раскосым
разрезом листвы

* * *

деревья
мыслят в безветрие
под ветром молвят

* * *

не обещали что туман
осенний раз и разойдётся

погоды ждёшь? держи карман!

но вдруг вываливает солнце
как будто лето и звенит
тарелок медных не считая

но строго следует в зенит
на юг отчалившая стая

* * *

облака облакачивают
небо о землю

о холмы её
о бугры

* * *

по-барочному навороченные

не иначе к грозе

облака

дрозды гоняют голубей
которые умом не дюжи
и хоть крупнее но слабей
дроздов

купающейся в луже
меж тем вороне ни к чему
доказывать другим пернатым
что превосходит по уму
их всех
со мною вместе взятым

деревня Сущёво
словно бы заколдована
борщевик её не берёт
и старушки
бывшие комсомолки
голубыми глазами смотрят
из-под белых платков за большак

*

а в Кукове
никто уже не кукует
а было оно многолюдно
и Юрка-пастух
в целях обмена на водку
воровал у своей сожительницы
женщины с высшим образованием
породистых кур

*

а в Прасковьино только дачники
не то москвичи не то иностранцы
а может быть инопланетяне
иными словами
мы

* * *

двор в снегу
фонарь неслабо
светит полный как луна

никого

одна лишь баба
баба снежная одна
ходит по двору и ходит

только гляну
вмиг замрёт
в неудобной позе

вроде
и не ходит взад-вперёд

**В СБОРНИК ВОШЛИ СТИХОТВОРЕНИЯ
ИЗ КНИГ РАЗНЫХ ЛЕТ**

«В райском саду». — М. : Московский рабочий, 1995

«Три берега» / А. Говорков, К. Ковальджи, Ю. Хоменко. — М. : РИФ РОЙ, 1999

«Воздушные шары» (книжная серия журнала поэзии «Арион»). — М., 2003

«Восьмое небо». — М. : «Воймега», 2011

«Облако на ладони». — М. : «Время», 2017

«Небо в перьях». — М. : «Воймега», 2022

«Лётное поле» (книжная серия журнала поэзии «Пироскаф»). — М., 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Из книги «В райском саду»

1980–1984

«Я живу у себя в голове...»	7
«Девочка бежит...»	8
Саами в Москве	9
В поезде	10
Сказка	11
«Странный утра поворот...»	12
«Когда бабушка шила платье...»	13
«Ещё будет весна!...»	14
Записки сумасшедшего	15
Петрушка	16
Музыка	17
«В белом по лесу пошли...»	18
«Откуда столько боли о тебе?..»	19
Этюд	20

1984–1987

«Вы знаете, что слон живёт в углу?..»	21
«Я узнал, что люди умирают...»	22
«В старых домах поселяются сказки...»	23
«Тяжело бродить в Клину...»	24
«У бабушки в комнате ходят часы...»	25
«В детстве казалось: ответы найдутся...»	26

1988–1990

«Каждая крыша пытается небо поймать...»	27
«в райском саду...»	28
Провинция	29

1990–1995

«От Чехова осталось...»	30
«Если к Волге спуститься, колёс не щадя, ни педалей...»	31
«Здесь бабушка когда-то...»	32
«в детском саду...»	33
«А Вена — город небольшой, но разный...»	34

Из книги «Три берега»

1995–1999

«От станции метро Бауманская...»	35
«Сквозь кружево веток виднеется дол...»	36
«Земля едина: Пушкин жил...»	37
«Опять зазеленело...»	38
«В райском саду...»	39
«Ходят ходики по стене...»	40
«Но висит посреди всего...»	41
«Ни дождя, ни солнца...»	42

Из книги «Воздушные шары»

1999–2003

«Шуберт писал удивительно просто...»	43
«Листва осыпается с грабов и буков...»	44
«Облик жасмина...»	45
«Жизнь прожить...»	46
«Вот и осень голубая...»	47
Конец сезона	48
«Всё чаще памяти кого-нибудь стихи...»	49
«Зима. Имперские сугробы...»	50
«Дома без труб — что ж это за дома?..»	51
«Тоскливо лицо машиниста...»	52
«Сегодня осень. Не сравнить...»	53
«Называлось Потапово то...»	54
«Мне Лермонтов махнёт издалека...»	55
«Думал: что такое Гейне?..»	56
«Настало время старую Москву...»	57
«Автобус до Марса...»	58
«Мы жили в блочных башнях...»	59
«Зачем мы живём, узнавая...»	60
«По горам, по впадинам земли...»	61
«Туча налегла на городок...»	62
«Здесь старые ходили поезда...»	63
«Шуберт очень любил Чайковского...»	64
«Грузный Брамс угрюмо дремлет...»	65
«А весна-то и вправду огромна...»	66
«“Облака”...»	67
«Тучки — странники вечные странные...»	68

«Девочка на шаре...»	69
«Снег на широкой платформе...»	70
«Хотел было ставить точку...»	71
«Купаться здесь запрещено...»	72

**Из книги «Восьмое небо»
2004–2010**

«Коровы умеют летать...»	73
Черепаша	74
«Небо восьмое. На небе девятом...»	75
«С розовым облаком небо большое...»	76
«Провинциальный запах дыма...»	77
«По старицкой старой дороге...»	78
«Анненского доставали...»	79
«Спускаясь по лестнице, Блок...»	80
«Год за годом...»	81
«Я поеду в Венский порт...»	82
«Осенний день. Он чем отмечен?..»	83
«Попытки оптимального соединения крыши и неба...»	84
«Не Бетховен, но космы включены...»	85
«За ночь до полнолуния...»	86
Предместьями Вены	87
«— Далеко ли до Хайлигенштадта?..»	88
«Разминувшись с Шубертом во времени...»	89
«Небо над Веной, как правило, серое...»	90
«Подмигиванье светофора...»	91
«Напоминают Ленинград...»	92
«Не могу защитить тебя от процесса старения...»	93
«Мне хотелось как можно скорее уйти...»	94
«О трёхкомнатной старой квартире...»	95
«Грачи прилетели...»	96
«Одноногий аккордеонист...»	97
«Утром холодно весенним...»	98
«Есть новые рамы и старые рамы...»	99
«Каблуки по мостовой...»	100
«Над бассейном “Москва” так легко по утрам...»	101
«гамаки...»	102
«Время простых стихов...»	103
«Мандаринные дольки...»	104

«Ведут маршруты — этот, тот...»	105
«Улицей...»	106
«Куда б, петляя между звёзд...»	107
«Каждый раз...»	108
«Вот уже шесть лет...»	109
«По утрам за перелеском...»	110
«Никогда не был...»	111
«На самом деле дела никому...»	112

**Из книги «Облако на ладони»
2011–2016**

«последние пару лет...»	113
«всякий раз...»	114
«по пожарной лестнице влез на крышу...»	115
«оттого ль грунтовка чавкает...»	116
«каштаны уже отцвели...»	117
«грач на переднем плане...»	118
«по небу проехал вертолёт...»	119
«кричи запрокинув голову не кричи...»	120
«в расщелинах бетона очень любят...»	121
«Небу дай только волю...»	122
«треск кузнечика...»	123
«по району что притих...»	124
«...а облака-то над Веной русские!..»	125
«берёза в Австрии...»	126
«когда-нибудь...»	127
«дома построены не нами...»	128
«птицы...»	129
«но пройду и не замечу...»	130
«тебе-то она зачем...»	131
«валит снег а ветер слабый...»	132
«есть печальные слова...»	133
«работа садовника в целом...»	134
«показываю Вену...»	135
«ел на завтрак остатки вчерашней рыбы...»	136
«страховка и мобильник...»	137
«в этом парке...»	138
«дождливым днём...»	139
«ожидая звонка допотопного...»	140

«в отличие от местных...»	141
«работая над миниатюрой “Сквер у аптеки”...»	142
«серебряный крестик...»	143
«направо храм...»	144
«душа ступает босиком...»	145
«о летящий звена допотопный трамвай...»	146
«куда же...»	147
«Спилили клён — открылся новый вид...»	148
«плеск довольно крупной рыбы...»	149

**Из книги «Небо в перьях»
2017–2021**

«всеми подручными средствами...»	151
«поймал было облако...»	152
«Шуберт умер в ноябре...»	153
«дом где родился Шуберт...»	154
«залитый солнцем...»	155
«где те птенцы что вылупились...»	156
Падалица	157
«зазеленело деревце...»	160
«часики точат время...»	161
Пианисту	162
«птицы ангелы звёзды...»	163
«свалка...»	164
«тепла уже не будет...»	165
«в казематах Крутицкого подворья...»	166
«довольно солнечный денёк...»	167
«вверх и в стороны...»	168
«треск стрижей и кузнечиков...»	169
«серое...»	170
«облака сегодня сероваты...»	171
«шум вертолёта...»	172
«по утрам...»	173
«щёлк и остались на фотографии...»	174
«Тора...»	175
«ну и умрёшь...»	176
«то ли крупная капля дождя...»	177
«трактора и аисты...»	178
«небо в перьях...»	179

«запрокинув в небо голову...»	180
Другу	181
«товарняки пассажирские электрички...»	182
«солнечно но не очень...»	183
«на территории...»	184
«мне сегодня то же снится...»	185
«заброшенные соборы...»	186
«не течение времени...»	187
«безоблачной ночью...»	188
«некогда служивший...»	189
«ушёл...»	190
«роддом...»	191
«был на стройке выходной...»	192
Перед рассветом	193
«шаткое...»	195

**Из книги «Лётное поле»
2022–2023**

«распределение тепла и света...»	197
«безветрие...»	198
«австрийская берёза...»	199
«с папой...»	200
«неотёсанные...»	201
«осень...»	202
«ночью постукивают...»	203
«я любитель задворок...»	204
«в каждом зеркале...»	205
«Вена ещё спала...»	206
«в магазин шагаю смело...»	207
«сентябрь...»	208
«покуда голубь во дворе...»	209
«в чей-то двор зайти без спросу...»	210
«виртуозную музыку слушаю...»	211
«шуберт...»	212
«платформа Заслуженный Отдых...»	213
«отыскался ящик...»	214
«долгий...»	215
«на невероятной высоте...»	216
«отчётный период это когда цыплят...»	217

«в небе наследили самолёты...»	218
«голубиным помётом...»	219
«возможен отдых на воде...»	220
«помедлила...»	221
«деревья...»	222
«не обещали что туман...»	223
«облака облакачивают...»	224
«по-барочному навороченные...»	225
«дрозды гоняют голубей...»	226
«деревня Сущёво...»	227
«двор в снегу...»	228

В сборник вошли стихотворения

из книг разных лет

229

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

Юлий Александрович Хоменко

ПЛЕСК УСКОЛЬЗНУВШЕЙ ФОРЕЛИ

Избранное

Редактор

Лариса Спиридонова

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Корректор

Елена Плёнкина

Вёрстка

Светлана Спиридонова

Подписано в печать 15.01.2025
Формат 84x108/32. Объем 11,66 усл. п. л.

ООО «Издательство «Время»
<http://books.vremya.ru>
e-mail: letter@books.vremya.ru